

октябрь–ноябрь 1919 г.

А.А. СИДОРОВ
"ДВА ГОДА РУССКОГО ИСКУССТВА
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ"³⁹⁰

Пишущий эти строки, очень помнит взволнованные и боязливые опасения за искусство многих в начале революции. Мало ли что казалось! Что замрет художественное творчество в буре событий; что не до искусства будет революционной стране, в муках рождающей новый, не бывший ранее порядок. Конечно, старая "буржуазная" критика старалась изо всех сил убедить нас, что как пролетариат в целом, так, в частности, и "враги рода человеческого" – большевики – в искусстве не понимают ничего и только гибелью грозят всякому художеству. Еще больше мне уже приходилось в печати упоминать о любопытной анкете, которая в мае 1917 года была произведена одной тогдашней буржуазной газеткой на тему "Искусство и революция". Руководящей мыслью было высказанное одним из лучших наших скульпторов положение: "Социальная революция несет смерть искусству". – А там – тяжелые моменты самого переворота, гибель неизбежная, но все же больная, иных памятников. И два года напряженной, невиданной никогда раньше работы пролетарской России над созданием нового строя. И новый вопрос в конце: что же принесла искусству советская власть? Останавливаться время от времени, и вглядываться назад – очень не мешает. Вскрывается много неожиданно ценного в таких проблесках недавнего прошлого. Много сделано; еще больше осталось не сделанным. Были ошибки; но иные опыты увенчались блестящим успехом. А если сообразить и вспомнить, что только в начале строительства новой жизни застает нас этот ретроспективный взгляд на наше "вчера", то новою надеждой способно окрылиться самое мрачное сердце.

Но писать о советской художественной политике, конечно, нелегко. Не хватает еще материала для последнего суждения. Много еще и не кончено. Украшение русских столиц до конца не доведено, и что в этом отношении сделано в иных городах, остается малоизвестным. С другой стороны, изложение основ политики советской власти в области искусства, конечно, будет делом заинтересованных органов государственных и местных. В данной статье попытаемся бегло лишь осмотреть некоторые стороны художественной современности в

³⁹⁰ Из статьи в журнале *Творчество* – журнале литературы, искусства и музыки, издававшемся Моссоветом с мая 1918 г. по апрель 1922 г., в 1918–1920 гг. и в 1922 г. ежемесячно, а в 1921 г. раз в два месяца. Всего вышло 43 номера.

Советской России. Может быть, она еще не перепутые. Мнение наше – мнение зрителя, и в то же время – историка. Свою пользу оно, может быть, и принесет.

И сначала укажем: то, что и как делает советская власть в области искусства, есть грандиозный и небывалый опыт, в истории не встречавшийся доньше, и в силу этого для ученого вдвойне драгоценный. То, как искусство оказалось призванным к роли государственной; и как строится дело его преподавания – все это было неожиданно для всех специалистов – и в то же время превзошло самые смелые их ожидания. Наши заметки будут достаточно беглы – но одно можно подчеркнуть сразу же, предвосхищая вывод для большей его убедительной силы: то, что переживает ныне в России искусство, войдет в мировую его историю как новая глава – будем надеяться – как начало новой части той великолепной книги, которую мы именуем "историей искусств". То, что мы переживаем ныне в области художественной, может казаться хаотичным, и, должно быть, на самом деле и есть хаотично. Но из беспорядка этого рождается новый строй. Ярко алеет над нами заря – кто знает! – нового художественного возрождения.

К такому убеждению ведет автора этих строк научная совесть историка. Ибо первая ее обязанность – уметь прозревать во внешних, порою уродливых, случайных формах основное – и то не случайное, которое единственно ценно в искусстве, как результат коллективной воли народа.

II

Советская художественная политика за два последние года развивалась в нескольких направлениях. Искусство было привлечено к делу общегосударственного строительства; первое, может быть, самое важное, определяющее как причина и цель все остальные. – Широкое место было отведено искусству в деле украшения жизни, города, зданий; это – второе направление. – По-новому, было поставлено дело охраны художественных памятников; это – третье. – Весьма плодотворное внимание было обращено на художественное просвещение народных масс, это – четвертое. Пятого, дела устройства социального положения художника, мы не коснемся, ибо вопрос этот – за границами нашей компетенции.

Искусство как одно из средств общегосударственной политики! Кто когда об этом думал? А однако советская власть решительно поставила вопрос именно в этом направлении. В искусстве есть огромная сила, раньше не бывшая использованной, сила воздействия на нашу волю. Буржуазная наука и старая эстетика могли сколько угодно учить об "облагораживающем" влиянии красоты. Дело не в этом. Искусство, если продумать его до конца, обладает особенностями, которых лишено всякое другое проявление человеческого творчества. Оно действует на нас непосредственно. В науке, истории, в политике, даже в литературе нам приходится постоянно переводить язык слов, цифр и формул

на язык действия – делать "выводы" из того, что нам преподносится. В искусстве же нам дается непосредственно живой образ – и этого довольно, чтобы пробудить наше сознание. Там, где наука "доказывает" – через наш разум, – искусство "показывает" истины свои через наши чувства: зрение, слух. Именно этим и объясняется "организующая сила" искусства, о которой впервые решительно и сознательно заговорили только теперь. Мы живем во время очень быстрое и очень трудное. Где тут разглагольствовать и доказывать, когда не терпит ни секунды дело! И художник приходит на помощь: его искусство делает возможным быстро и наглядно (в буквальной смысле слова!) – сообщить – показать зрителю то, что надо. Все это очень просто; но когда вдумываешься до конца, то увидишь, что даже наука в сущности покоится на началах художественных. Геометрия, например, строится на теоремах; а теоремы восходят к "аксиомам". Аксиомы же недоказуемы, а только наглядно "показуемы". Они являются определенно явлениям художественного порядка. Мы здесь не будем особенно останавливаться. Для нас достаточно указать и понять, что роль искусства, о которой мы только что говорили, сводится к его "наглядности". А сделать преподавание, политику, жизнь наглядными – в этом и заключается великое дело искусства в общегосударственном смысле. – Но к великому делу этому искусство почти и не думали привлекать буржуазные государства. Советская власть, может быть, даже не совсем сознательно – почуяла, какую великую помощь может оказать искусство строительству новой жизни.

Наблюдения эти, – которые, может быть, покажутся читателю недостаточно нужными – все же единственно объясняют не бывшее раньше явление привлечения искусства к делу того, что называется ныне "советской пропагандой". Особенно ярко и настоятельно выражается это в том внимании, которое посвящается нашей властью одной отрасли искусства, на которую раньше смотрели почти презрительно, о которой нигде почти ничего не говорили, но осознать которую необходимо. Мы говорим об искусстве "плакатном".

Что такое плакат? – Раньше, при буржуазном строе, это было коммерческое объявление, реклама какого-нибудь напитка или кушанья. Самое большее – приглашение зайти на выставку или в театр – плакат, повешенный на улице. Наиболее близкое к делу общегосударственному было участие плаката в пропаганде военных займов и – в Англии – добровольного набора. Но воспользоваться плакатом для более серьезных целей решила только советская власть. Сейчас нет почти декретов, которые не иллюстрировались бы плакатами. Требование о сдаче оружия, например, имеет несколько даже вариантов. И во многих из них – пророческая сила. В дни наиболее явственных успехов недругов Советской России такие плакаты как "Вперед на защиту Урала"³⁹¹ или "Петроград не отдадим"³⁹² – с их действием возбуждающим и "подъемлющим

³⁹¹ Автор плаката (1919 г.) А.П. Аpsит.

³⁹² Автор плаката (1919 г.) Д.С. Моор.

дух", сыграли очевидно вполне конкретную, осязательную роль в деле успешной защиты РСФСР. – В этом, кажется, зарубежная коалиция врагов Советской России воспользовалась примером Москвы. Искусство привлечено к общему делу обороны наиболее решительно и близко.

Пишущему эти строки приходилось иметь неоднократные беседы относительно плакатов с теми, для которых они в сущности и предназначались – с аудиторией красноармейских курсов. Общие наблюдения, выше данные, говорят ведь только об основных задачах плакатного искусства. В практических же беседах вопрос ставился, конечно, более близко о формах и средствах выполнения замысла. Поделиться наблюдениями здесь кажется тем более уместным, что – повторим еще раз – важность плакатного искусства далеко не достаточно еще проникла в сознание масс, в сознание руководящих заказами центров и выполняющих заказы художников. Плакаты по замыслу могут быть разделены на несколько групп: плакаты повествовательные; – это было началом плакатного искусства в Советской России, от которого довольно скоро отошло оно; наконец, плакаты чисто образные. Но и здесь необходимо выделить по меньшей мере две группы: противопоставить плакату реалистическому и символическому плакат аллегорический. О различиях мы поговорим несколько дальше. Наконец, если оставить в стороне несколько плакатов, которые могут быть названы так только по недоразумению, чисто формально плакаты могут быть разделены на графические и живописные; на монументальные и немонументальные; в пределах нескольких бесед-лекций пишущий эти строки подобрал по этому поводу ряд мнений среди красноармейской аудитории, к голосу которой не мешало бы прислушаться художникам.

Главный смысл плаката, конечно, в том, чтобы он на стене дома, на улице и площади, говорил сразу многим, был четок и понятен толпе, людям самого разного образования и состояния. Плакат должен быть виден издали. Чтобы заметили его в городской сутолоке, он неизбежно должен "кричать" – быть ярким по образам и краскам. Рассматривать плакат вблизи, конечно, никто никому не воспретит; и многие плакаты, выпущенные за последние два года, очень определенно и предназначены для такого рассматривания, тем, что в них на одном листе изображаются несколько сцен. Беда только в том, что такие повествовательные плакаты нуждаются в пояснениях и подписях; и, скажем, для человека неграмотного они просто непонятны. Истинные плакаты всегда должны говорить образами, и должны по формам своим быть монументальными, т.е. несложными, сильными, доступными. Но именно здесь – если оставаться пока в плоскости замысла – придется обратить внимание на явление, которое может грозить плакатному художеству большой опасностью: на злоупотребление аллегорией. Под плакатом символическим мы условимся понимать такой, в котором реальная форма приобретает некий общий и более глубокий смысл; но аллегория – это форма, теряющая уже свою реальность. Аудитория, к которой пишущий эти строки имел случай обращаться с вопросами о предпочтении того или иного плаката, всегда решительно предпочитала плакат

реалистический. И на самом деле: разве все эти драконы, гидры и змеи, которые должны олицетворять империализм и капитализм, действительно являются художественными образами? Один из участников краткого совместного обсуждения плакатов заметил очень, по-моему, верно, что какая-нибудь злая змея, обвинившая фабричное здание, и которую мы толкуем как образ капитализма³⁹³, у зарубежных врагов Советской России может приобрести как раз обратное значение – какой-нибудь злобной "гидры анархии". – Но, с другой стороны, и просто реалистический, повествовательный плакат встретил также осуждение аудитории. "Ну, вижу я, как солдат умирает; а зачем и почему это изображено, это не понятно", говорил другой красноармеец про ранний плакат, изображавший ужасы царизма. Плакат по замыслу своему должен быть понятен и нагляден; такой плакат, как тот, который изображает человека, плывущего по бурному морю на открытой книге³⁹⁴, боюсь остался совсем чужд аудитории.

Приблизительно то же хотелось сказать и о формах плаката. Здесь трудность задачи в том, чтобы суметь сочетать "эстетические" требования – красоты, красочности – с теми же условиями монументального впечатления, памятуящими, что плакат должен поймать каждый беглый взор на торопящейся улице большого города. Достигнуть этого можно, конечно, и яркими красками и графическими средствами линий и пятен. Основным требованием осталось бы одно – чтобы плакат помнил, что, наклеенный на стену дома, он не должен ее уродовать. Это в значительной степени – пожелание, чтобы плакат сумел сохранить свою плоскость. Когда какой-нибудь сложной перспективы, впечатления как от картины добивается художник от плаката, он становится, конечно, на ложный путь. ...³⁹⁵ Но все же: если бросить взор на те десятки плакатов (если не сотни), которые были выпущены советскими учреждениями за два отчетные года, общее впечатление останется вполне благоприятным. Из всех плакатов, которые я имел случай демонстрировать перед красноармейской аудиторией, она очевидное предпочтение отдала действительно удавшемуся плакату Скифа – "Сдавайте оружие"³⁹⁶. Здесь наглядность монументального впечатления соединяется с полной понятностью. Плакат в подлиннике очень удачно и экономно расцвечен; другие плакаты того же художника удались меньше. Но среди прочих хочется отметить как наиболее выдающихся советских плакатистов таких мастеров, как Апсит и особенно Моор. Самым "красивым" плакатом был, конечно, изданный отделом по делам музеев лист Купреянова³⁹⁷. Но дела

³⁹³ Подразумевается плакат Д.С. Моора *Смерть мировому капитализму* (М., Изд. ВЦИК. 1919 г.).

³⁹⁴ Плакат В. Спасского *К маяку Коммунистического Интернационала* (М., Изд. ВЦИК. 1919).

³⁹⁵ Отточие документа.

³⁹⁶ Плакат А.П. Апсита (Скиф) *Граждане! Сдавайте оружие* (Издание агитационно-просветительного отдела Всероссийского бюро военных комиссаров. М., 1918 г.).

³⁹⁷ Плакат Н.Н. Купреянова *Граждане, храните памятники искусства* (издание Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины НКП. М., 1919 г.).

много, конечно, еще впереди; привлечение новых художников бесспорно сумеет поднять плакатное искусство, которому такая ведь ответственная поручена роль, на небывалую раньше высоту. Выиграют от этого все стороны: и дело государства, и просто красота уличной стены, зачастую ныне уродуемая наклеенными листами. <...>

Опубликовано: *"Творчество"*. Москва. 1919. № 10–11. С. 38–39, 42.